

УДК 94 (47) «1941/1945»

Антоненко Л.А. (ФГБУ «ВИМС», составитель)

ДЕТИ ВОЙНЫ ВИМСА

*В статье приведены воспоминания сотрудников ВИМСа — детей войны. Их память сохранила яркие детские впечатления о тех тяжелых годах. Впоследствии они посвятили свою жизнь работе в геологической отрасли. **Ключевые слова:** Великая Отечественная война, дети войны, ВИМС.*

Antonenko L.A. (VIMS, compiler)

VIMS' WAR CHILDREN

*The article contains the memoirs of VIMS employees — children of war. Their memory has preserved vivid childhood impressions of those difficult years. Subsequently, they devoted their lives to work in the geological branch. **Keywords:** Great Patriotic War, children of war, VIMS.*

Кто такие Дети войны? В нашей стране это понятие появилось в 1995 г., но статус Детей войны до сих пор официально не признан. Это граждане Российской Федерации, родившиеся с 1923–1928 по 1945 гг., причем месяцы и даже годы их рождения для разных регионов страны до сих пор не согласованы, как и денежные выплаты. Депутаты Госдумы РФ с 2006 г. регулярно рассматривают и не менее регулярно отклоняют проекты Федерального закона «О детях войны». В Москве в 2020 г. насчитывается примерно 80 тысяч детей войны, а в стране — от 8 до 10 млн. Кстати, с 2006 г. поддержка детей войны реализуется на Украине, а в Германии пенсионеры, пережившие эту войну в детском возрасте, получают отдельную пенсию и социальную поддержку.

В ВИМСе, как и везде, после войны сотрудники большей частью были участниками и детьми войны. И сейчас в институте работает много детей войны, среди 228 вышедших на пенсию сотрудников в настоящее время детей войны — 151, ветеранов трудового фронта — 29, а ветеранов войны, увы, всего двое. Среди наших детей войны есть узница концлагеря, есть люди, пережившие оккупацию и бежавшие от нее под бомбежками, остававшиеся в Москве и тоже пережившие бомбежки. Дирекция, профсоюзная организация и Совет ветеранов ВИМСа со всеми общаются, приглашают на праздники и юбилейные торжества, помогают им по мере сил. Здесь мы поместили несколько рассказов-воспоминаний наших сотрудников — детей войны о военной поре своего детства.

О ВОЕННОМ ДЕТСТВЕ

Амичба Т.М., кандидат геолого-минералогических наук, пенсионер ВИМСа

Перед Великой Отечественной войной мы с мамой и бабушкой жили на Кубани, вскоре после начала войны наш городок оказался изолированным от снабжающих его районов. Мы были маленькими, но и сейчас помнится, как мы все время хотели есть. Начало войны мы особенно почувствовали, когда через наш город пошли толпы беженцев. Шли женщины, дети и старики. Одеты они были странно. На дворе лето, а многие из них в пальто, на голове платки, обуты в ботинки на босу ногу. Мы выбегали на улицу, пытались заговорить с ними. Но они нас будто не слышали; шли, опустив глаза или глядя мимо нас. Однажды мы попытались заговорить с девочкой, она некоторое время молчала, потом с ужасом на лице закричала: «Там страшно, там стреляют, там убивают!».

Потом по нашей же улице пошли нестройные колонны солдат, одетых в прохудившиеся, часто до дыр, шинели, обутые в пыльные стоптанные сапоги. Лица у них тоже были пропыленные, хмурые, глаза опущены. Мы приставали к родителям, почему солдаты так выглядят, почему они такие грязные, обтрепанные? Как же они такие будут воевать? Нам как-то не очень уверенно объясняли, что эти солдаты первыми встретили врага, и они не ожидали нападения, не были готовы к нему. Им пришлось отступать под напором врага. А вот теперешняя армия уже готова воевать, и скоро врага прогонят. И мы стали ждать, когда врага прогонят и кончится война.

Но война не кончалась. И тогда я впервые засомневалась, что моя мама знает ответы на все вопросы, ведь она не смогла ответить на самый главный — когда же закончится война? А враг уже подошел к окраинам нашего города. Заговорили об эвакуации. Но ни старая бабушка, ни тетушка с грудным ребенком никуда двинуться с места не могли. И мы с мамой тоже остались.

Теперь уже каждую ночь город обстреливали и бомбили. Даже когда снаряды и бомбы не попадали в наш дом, а разрушали соседние дома, у нас осыпалась штукатурка с потолка, вылетали стекла из окон. В один из таких обстрелов пострадала наша бабушка: большой кусок штукатурки обрушился ей на плечо, после чего у нее не поднималась рука. Чаще всего стреляли и бомбили по ночам. Чтобы уберечься от увечий, мы спали под кроватями, предварительно навалив на кровать, все, что могли найти в доме: матрасы, одеяла, теплую одежду, даже стулья. Наша соседка рассказала, что убереглась таким образом от увечья, когда на кровать свалился огромный кусок штукатурки с потолка при очередном ночном обстреле.

**Амицба Тамара
Мектиевна**

Когда немцы все же вошли в наш город, наша жизнь, жизнь детей, сильно изменилась. Нам не разрешалось гулять по улицам, а только во дворе и только в светлое время. Однажды мальчики нашего двора обнаружили практически неохраняемые немецкими солдатами банки с разными консервами. Для вечно голодных ребят это был большой соблазн. Конечно, они набрали банок и, спрятавшись за сараями, разделили их. Нам, не участвовавшим «в операции», тоже досталось по нескольку банок. Но моя бабушка, узнав, откуда консервы, буквально побелела. Она брезгливо смахнула их в свою хозяйственную сумку и унесла на место, откуда ребята их взяли. Вернувшись, она с горечью сказала, что никогда не думала, что ее родная внучка может взять что-то чужое. Вечером, в беседе с мамой, бабушка сказала, что, конечно, я пыталась добыть еду таким уродливым способом, потому что голодаю. После этого мой рацион, как могли, расширили. Теперь я стала иногда по утрам получать манную кашу, а раньше мне давали только поскрести стенки кастрюльки, в которой варили кашу для маленькой сестрички.

Самое большое потрясение я, да и вся наша семья, испытали, когда ночью пришли солдаты во главе с полицаем. Они хотели увести всех нас в управу как лиц еврейской национальности, не желающих добровольно регистрироваться. Совершенно случайно они вдруг поняли, что у нас другая национальность и оставили нас дома.

В оккупации мы прожили долго. Только когда нас освободили, мы смогли пойти учиться, потеряв при этом целый учебный год.

МЫ — ДЕТИ ВОЙНЫ

Антоненко Л.А., вед. редактор РИС ВИМС, кандидат геолого-минералогических наук, председатель профкома

В начале войны мне было почти четыре года, брату — два с половиной. Папа был шахтер, жили мы на шахтах Тульской области. Он сразу в начале войны ушел на фронт, а мы с братом остались на маминых руках. Она тоже работала на шахте. Немцы, как известно, заняли Тульскую область в октябре 1941 г., но их выбили оттуда уже в январе 1942 г. В анкетах, правда, я долгое время честно отвечала на обязательный тогда вопрос «Были ли вы в оккупации?» — «Была». Однажды кадровичка машинально спросила меня: «Чем занимались?» Вот я и хочу ответить на этот вопрос.

Я многое помню, чему мама всегда удивлялась. Помню... Помню, как мама нас с братом, закутанных, заматанных в платки, по утрам на руках носила в дет-

ский сад. Она была высокая, сильная. Казачка. Мы умудрялись у нее на руках играть, по крайней мере, бодаться...

Однажды она уехала с тачкой менять вещи на продукты. Мы сидели на столе, смотрели в окно. Вообще, стол был нашим любимым местом. Под столом был наш дом для игр. Кстати, игрушка тоже была — лыжник, набитый опилками, из которого они все время сыпались. Еще мама делала нам кукол из тряпочек и рисовала им лица химическим карандашом. Так вот, настал вечер, мамы нет, а мы знаем, что каждый вечер она закрывает окно плотной черной шторой-светомаскировкой. Дергали, дергали штору — она и свалилась. Оба ревим, вошла соседка (проходя мимо, увидела свет), помогла нам ее закрепить.

Разбирая семейный архив, я наткнулась на папины военные письма-треугольнички. Папа страшно беспокоился, что мы можем оказаться в оккупации и советовал маме уезжать — куда? На Урал, он там проходил военную подготовку и хотя бы мог дать ей какой-то адрес. Но немцы пришли очень быстро, и мы с мамой остались на месте.

Начались бомбежки. Детский сад еще работал. Помню, как мы с воспитательницей были на прогулке и вдруг — самолеты. Мы уже отличали немецкие мессершмиты по большим крестам на боках и по форме (они были такие кургузые, в отличие от длинных наших). «Не собирайтесь вместе, отойдите от меня!» — кричала воспитательница. Вот это помню четко. Отползти от нее было страшно, а вот бомбили ли нас в тот раз, не могу вспомнить.

Сидя на своем любимом столе, мы с братом смотрели на улицу, по ней шли танки. Гул стоял и стекла дребезжали. Все. Пришли немцы.

Однажды зашел немецкий патруль, спросили «юде?», в другой раз — «партизанен». В этот раз немного досталось брату, который попал под ноги немцу. Он его легонько отпихнул сапогом, как собачонку. А потом немцы «стояли» у нас. Наверное, нам попались «неправильные» немцы. Брала нас с братом на руки, играли на губных гармошках. Почему-то они были у всех. Угощали шоколадом, а мама стояла за дверью и грозила нам, запрещая брать что-либо. Немцы по-своему «шутили», направляя на нас пистолет и пугали — «пу, пу», потом хохотали... Мы, не понимая, тоже смеялись.

Как немцы ушли — не помню, но как-то очень быстро. Какое-то время мы сидели с братом дома, садик еще не работал. Мама с работы приносила нам, как я теперь понимаю, свой обед, но есть это серое жидкое пюре не очень хотелось. Когда я заболела воспалением легких, пришел врач и сказал, что меня надо бы кормить тво-

**Антоненко Людмила
Александровна**

рогом и молоком. Я смутно помнила, что это что-то замечательно вкусное и обрадовалась, что мне это принесут. Увы!

Жили мы бедно, но это не воспринималось как что-то тяжелое. Все ведь жили одинаково. Дали всем огороды, и мы с мамой ходили сажать картошку. Тапки нам шили из брезента. Зимой ходили в бурках. Это такие самодельные тряпочные сапоги в галошах, с ватной «начинкой», как телогрейка.

Отец воевал на Карельском фронте. К концу 1943 г. многих шахтеров, и моего отца тоже, демобилизовали для восстановления подмосковных шахт. Момент встречи с отцом в памяти не остался. Зато очень запомнилось, как он кусок сахара (сахара!!!) расколол ножом пополам и положил эти половинки перед нами с братом. Это он так думал, что половинки, но у нас-то глаз на такие дела был наметан. Мы сидим молча, не берем. Папа спрашивает: «Они что, сахар не любят?» Мама объясняет: «Поделил не поровну». А вообще-то сахар мы видели редко. Был такой заменитель сахара — сахарин, страшно вредная для почек вещь. Больные почки, наряду с рахитом — еще одна болезнь «детей войны».

Жизнь налаживалась, мы опять пошли в детсад. Там, помню, собирали подарки для бойцов. Мне мама вышила кiset, а я корявыми печатными буквами с маминной помощью написала письмо: «Дорогой боец. Бей врага». В саду даже, чтобы взять анализ крови из пальца без коллективного рева, нам говорили, что мы сдаем кровь для фронта.

В начале 1945 г. мама отвезла нас откармливаться к бабушке в Курскую область, в село, где я родилась. Ехали в теплушке, в товарных вагонах и даже на тендере — это такая платформа с углем позади паровоза. Победу мы встречали в селе. Мы были с бабушкой на огороде, видим, бежит соседка, рыдает и кричит: «Победа!» Мы тоже зарыдали и побежали все вместе. Наше село раньше было украинским, но в 1934 г. часть Украины вместе с ним отошла к Курской области. В первые годы наших летних каникул там практически все говорили по-украински и мы, приезжая осенью домой, переучивались обратно на русский. Помню, как мы писали диктант, и я неправильное «в лесу» исправила на «у лиси». Вот, видимо, тогда зародилась моя страсть к редактированию!

Первый класс я окончила в г. Богородицк Тульской области. Учительницу Марию Александровну помню до сих пор. В темно-синем платье с белым воротничком и белой камеей, гладкой прической с тяжелым пучком волос, спокойным негромким голосом. Мы ее обожали. Поскольку тетрадей не было в продаже, мама мне линовала листы (для выработки красивого почерка в три и две косых) и сшивала их в тетрадки. К сожалению, я у Марии Александровны отучилась только год, так как мы часто переезжали (папа работал на восстановлении шахт Подмосковного угольного бассейна). Дольше всего мы задержались в поселке Аварийный, так он официально именовался. В классах все были разного возраста, а в нашем был мальчик

Витя без правой руки (левой замечательно рисовал). Зимой в классах было холодно, сидели в пальто, даже чернила в чернильницах загустевали. Но учили нас серьезно, с четвертого класса каждый год были выпускные экзамены. Как все дети, мы, конечно, играли. Часто в войну. В ходу были немецкие словечки: «хальт», «хэнде хох», игра «штандер». Вообще, много времени проводили на улице, компьютеров тогда не было, общались друг с другом вживую.

Еще воспоминание. Наши дома были буквально в нескольких метрах от колючей проволоки. А за нею — лагерь немецких военнопленных. За колючкой, с нашей стороны, была большая гора «мусора»: фотографии, тетради, альбомчики, фляжки помятые и прочее солдатское имущество. Родители строго-настрого запретили к этому приближаться. Однажды мы с братом и друзьями прокрались туда и нахватили фотографий. Красивые фотографии, красивая жизнь ... Потом все-таки, побоявшись родителей, все это выбросили. О чем до сих пор жалею.

Моя бабушка, у которой на старшего сына уже была похоронка, а младший тоже воевал, жалела немцев и тайком перебрасывала через колючку узелки с едой, пока не попалась. Начальник лагеря пришел к нам и пригрозил папе, что сдаст ее «куда надо». Бабушка, по сельскому обычаю, покрывала голову платком и когда папа позвал ее на разборки, сказала, что это была не она, у той был другой платок. Я думаю, мужиков это объяснение повеселило. А бабушка продолжала перебрасывать свои узелки, только поосторожнее.

Жили мы и сами не очень сытно, так что же говорить о пленных! У детей своя психика, и мне даже сейчас страшно вспоминать, как примерно в полдень, когда мы шли в школу на свою вторую смену, из ворот лагеря выезжали лошади с телегами, а на них накрытые брезентом тела, и видны ноги, ноги, ноги... Тогда все воспринималось проще, что ли: в обед, мол, вывозят мертвых немцев.

Потом немцев стали отпускать в поселок «на прокорм» за какую-нибудь работу по хозяйству. Ночевали они в лагере, а днем ходили по поселку. Кстати, одна моя подруга рассказала, как они с мамой сами сидели в немецком лагере, так там немцы их тоже днем отпускали, а вечером пересчитывали. Так вот, нашей бабушке по хозяйству помогал Макс: воды натаскать, уголь принести, да мало ли работы! Запомнился он мне тем, что, сидя перед открытой печкой, брал оттуда уголек, не торопясь, закуривал и, так же не торопясь, бросал его обратно в печь. На каком языке мы говорили? Бабушка говорила только на украинском, мы — на русском и украинском, а Макс — не помню. Мы его понимали. Он меня обидел, помню до сих пор: сказал, что его дочка вышивает лучше меня!

Я, хотя и пишу «немцы», но в лагере были еще мадьяры и румыны. Последние отличались (из песни слова не выкинешь) неправильным отношением к чужой собственности. В результате пострадал папа: они через форточку чем-то вроде удочки вытащили его именные часы. Начальник лагеря их вернул.

Потом военнопленным разрешили возвращаться в Германию. Многие оставались работать на шахтах, женились на наших женщинах.

Ну а дальше все как у всех — школа, институт. Мы тогда не знали, что мы «дети войны» — других детей не было.

Пропущу институт, аспирантуру и работу не в ВИМСе, так как ВИМС — моя самая большая после семьи привязанность в жизни, я к нему привязана, страшно сказать, почти пятьдесят лет. Начала я работать в отделе бокситов, в период его расцвета, когда в нем работали более 100 человек. В отделе были сплошь яркие личности: завотделом — блистательный В.А. Теняков; моя первая руководительница Ф.Г. Пасова — заботливая мама всех молодых специалистов; А.В. Лейпциг — заведующий сектором, где я проработала так много лет, абсолютный трудоголик. А мои друзья, с которыми пережито столько полевых приключений и написано столько отчетов! С.К. Гипп — ветеран войны, красавец и интеллигент, М.А. Беэр — классный геолог, интеллектуал и замечательные Лены: Ершова, Хмелевская и Клочкова.

В это время отечественная геология переживала настоящий расцвет, а бокситовая — особенно. Работали мы на Урале, Тимане, на Алтае, в Сибири, Средней Азии, Казахстане. Описывали разрезы, отбирали образцы, смотрели шлифы, строили карты. А какие жаркие споры были, например, по вопросам генезиса бокситов! Грех вспоминать, но одна наша уважаемая дама запустила в другую образцом боксита за неправильную интерпретацию этого самого генезиса! Хорошо, что не попала!

А потом началась перестройка. Постепенно все наладилось, но работа изменилась. Ну, что же, жизнь продолжается, и мы, дети войны, пока еще не на ее обочине!

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР С БЛИНОВОЙ Л.М., пенсионеркой ВИМСа (записано Л.А. Антоненко)

Мы в ВИМСе всегда серьезно готовимся к главному для нас и наших ветеранов празднику — Дню Победы! Отправляем им открытки с приглашением,

печатаем собственные плакаты, заказываем фотографии прошлогоднего праздника, которые они с удовольствием разбирают, ну и, конечно, после митинга — непременно застолье с разговорами, слезами и военными песнями. На этот раз в связи с коронавирусом карантином решили перед праздником просто обзвонить всех наших пенсионеров. Они так радуются, да и мы тоже, и разговоры получаются длинными, теплыми, мож-

Блинова Людмила Михайловна

но сказать, семейными. Вот один из последних, как я его запомнила (А.Л.).

В начале войны Люсе Блиновой было 11 лет. Жили они с мамой и старшим братом в Москве. Ей повезло — она уже подрабатывала в магазине, клеила хлебные карточки — за работу платили хлебом. Хлеб на семью тоже получала она. Запомнился ужасный случай: она получила хлеб на все свои карточки, а на выходе из магазина какая-то женщина выхватила у нее буханки и выскочила на улицу!

Потом были бомбоубежища, бомбежки. К этому времени они жили с мамой вдвоем, т.к. брат, которому было уже 18 лет, работал на лесозаготовках.

А в 14 лет ее постигло страшное горе. У мамы было слабое здоровье. В очереди за хлебом у входа в магазин маме стало плохо, она упала и ударилась головой о камень. Охрана Люсе сказала, что маму увезли в 1-ую Градскую больницу, и она, Люся, должна туда пойти и маму опознать. Ей было страшно, но она пошла и опознала. Мамина голова, повторяла и повторяла в разговоре со мной Людмила, была голая, лысая, обритая!

Какое-то время она жила одна, а потом вернулся с лесозаготовок брат.

В очередной раз я убедилась, что в жизни нет ничего случайного. Продолжая звонить своим пенсионерам, я (А.Л.) разговорилась с Ефремовым Дмитрием Михайловичем, бывшим сотрудником нашего (тоже бывшего) Второго отделения. Он рассказал, что после ухода на пенсию закончил медицинские курсы при той же 1-ой Градской больнице и до 2020 г. служил в ней волонтером! Вот такие мы — дети войны!

О ВОЙНЕ И О ПРОШЛОМ

Бурова Т.А., ведущий научный сотрудник ВИМСа, кандидат геолого-минералогических наук

Я должна была появиться на свет осенью 1941 г. в Ленинграде, но война внесла свои коррективы. Моя мама с двумя сыновьями и мной, еще не рожденной, поехала в начале лета на Средний Урал, где мой отец, Буров Александр Петрович, главный геолог Уральской алмазной экспедиции, руководил работами по поиску алмазных россыпей. И началась война. Моей маме, сугубо городской жительнице, в течение долгих лет войны пришлось вести деревенское хозяйство, чтобы просто не дать умереть семье с голоду.

Уральские алмазники уже в 1942 г. дали стране первые алмазы. Геолог и писатель В.И. Елисеев писал об А.П. Бурове: «Уральцы говорили: «Буров — это совесть алмазной экспедиции. Многие геологи, сталкивавшиеся с ним по работе, стали настоящими людьми, точнее, он сделал их такими. Буров был вдохновителем поисков алмазов и в Сибири, приведших к открытию крупнейшей алмазоносной провинции. Таков был Буров — отец российских алмазов!».

Родилась я в самые тяжелые месяцы войны, но росла, не чувствуя атмосферы военного времени и напряжения, с которым работали люди в тылу. Мои воспоминания о поселке Кусья, где базировалась ал-

мазная экспедиция, связаны с семейными прогулками по берегам тихих речушек, перемиывающих кладовые алмазов, и уральских лесов. Контора Алмазной экспедиции находилась рядом с домом, где мы снимали полуподвал — кухню с низкими потолками и огромной печью, и высокий первый этаж — спальню. Я неоднократно пыталась проникнуть в контору, карабкаясь по крутой лестнице на второй этаж в кабинет отца. Но охранник останавливал меня со словами: «Вас пущать не велено». Это постоянное стремление быть с отцом сохранилось на долгие годы.

Сейчас, вспоминая далекие и прекрасные годы детства, я отчетливо понимаю, что отец делал все, чтобы оно было счастливым и интересным. Под его руководством мы коллекционировали бабочек, собирали марки, делали гербарии, учились фотографировать. Он даже показывал нам, как надо плести корзины. Мне на его первую премию — Сталинскую, было куплено пианино. Я занималась порой без большой охоты, но, взрослея, стала понимать, как много мне дали эти уроки музыки. Учила меня родная сестра Маршака — Юдифь Яковлевна, удивительно скромный и преданный музыке человек. У нас в московской квартире в проеме двери висела трапедия, на которой мы, как обезьяны, проводили свободное время. И как-то отец показал нам свое мастерство: легко подтянулся на трапедии и сделал вокруг нее полный оборот. Мы были в восторге!

В алмазных уральских краях мне довелось побывать после раннего детства еще три раза. Первую поездку я совершила в 1957 г. в школьные зимние каникулы в обществе своего брата Владимира и двоюродного брата Андрея. Я училась в девятом классе, а они — в десятом. Мы ехали к маме Андрея, моей тетушке Галине Николаевне Келль, работавшей минералогом в круглогодичной партии в поселке Пашия. Прибыв на поезде в Пермь (в то время это был Молотов), мы первым делом ринулись в привокзальный ресторан, чтобы поесть чего-нибудь вкусенького после вагонного питания всухомятку. Мы сидели у окна и провозжали взглядом уходящий в сторону Пашии поезд. Ребята были уверены, что нам прокомпостировали билеты на более поздний поезд, который должен отправиться чуть ли не рано утром. Выйдя из ресторана, мы с удивлением обнаружили, что билеты до Пашии у нас были именно на тот поезд, который только что исчез за горизонтом. Неожиданно возник солдатик, сообщивший, что вскорости по горнозаводской ветке отправится товарный поезд, на котором мы сможем добраться до станции Пашия.

Зима на Урале всегда славится морозами, а в ту ночь ветер, продувавший площадку товарняка, где мы ехали, нам казался нестерпимо ледяным. Через несколько часов такого путешествия на нашей площадке возникло оживление — мы подъезжали к станции Пашия. Поезд стал замедлять ход, мы тихо-тихо проехали мимо станции, а когда он стал набирать скорость, само собой возникло решение — прыгать. Первыми прыгнули ребята, прихватив кое-какие вещички. остав-

шись наедине с мягкой сумой, покрепче ее обняла, спустилась на ступеньку и, оттолкнувшись, с тихим писком: «Мама!» — ринулась вперед. Приземление было на удивление мягким. Я лежала в мягком сугробе и наслаждалась мыслью, что поезд все удаляется и удаляется, а мы почти на месте. Из такого состояния меня вывел неожиданно резкий крик брата: «Татьяна!». Я выбралась из сугроба, и мы все вместе зашагали к станционному вокзалу. Наконец появился ранний автобус, направлявшийся в поселок Пашия. Началась обычная толчея и давка. Я только успела втиснуться в автобус и плюхнуться на переднее сиденье, как открылась дверь со стороны водителя, и в салоне автобуса без суеты рядом со мной оказался муж тетушки Гали — Павел Николаевич Успенский. Наше удивление было обоюдным. По прибытии тетушка Галя первым делом уложила нас в теплые постели. Она была искренне уверена, что после такого путешествия мы обязательно заболеем. Но все закончилось благополучно. Мы успели и отдохнуть, и приготовиться к встрече Нового года. Взрослые ушли праздновать в экспедиционный клуб, а мы устроили себе праздник дома.

Через несколько дней мы всей ребячьей компанией, встречавшей Новый год, отправились на мою родину, в поселок Кусье-Александровский или в просторечии в Кусью. От остановки автобуса мы долго шли вниз к плотине, а затем вверх к дому, в котором я провела первые годы своей жизни. Дом оказался не таким, каким я его запомнила — более приземистым и тесным. Набежали молодые родственники старых владельцев дома и устроили нам очень теплую встречу.

Второй раз в родных местах я оказалась довольно скоро, через два года, летом 1959 г. Не без помощи отца я была зачислена сезонной рабочей в партию от ВСЕГЕИ, направлявшуюся на Урал, в Вишерский алмазоносный район. Я работала в отряде Маргариты Петровны Бархатовой, хрупкой женщины, самоотверженно трудившейся в лесах Среднего и Северного Урала. Бродячая полевая жизнь геологов с переездами, кострами, красотами природы как бацилла глубоко вошла в мою душу, и на следующее лето я поступила в Московский геологоразведочный институт. После его окончания опять не без помощи отца, попала в ВИМС, где работаю с 1966 г. до сих пор.

В ЭВАКУАЦИИ

Голева Р.В., доктор геолого-минералогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ВИМСа

Я родилась в Москве 16 сентября 1934 г. в роддоме на Сивцевом Вражке. Жила в маленьком каменном доме во дворе возле Садового кольца. Москву

Бурова Татьяна Александровна

**Голева Рита
Владимировна**

помню плохо. Только знаю, что в это время родился мой младший братик. По фотографиям вижу, что мы жили в очень маленькой комнатке. Моя кровать была завешена белой простыней, потому что папа допоздна работал. Он был аспирантом медицинского института. Как только он защитил кандидатскую диссертацию, мы сразу же перестали быть москвичами. Папу направили в Курск в мединститут доцентом кафе-

дры нормальной анатомии человека. Это случилось ровно за один год до начала войны.

Война для нас началась в Курске. Помню большую светлую комнату с мягкими креслами, роялем (мама играла). Мне подарили огромного, больше моего роста, плюшевого белого медведя, кормили толокном и манной кашей. По радио (черная тарелка на стене) звучали песни Клавдии Шульженко. И вдруг я сплю и слышу, как играет скрипка, играет, играет, играет... Однако меня расталкивают, что-то на меня натягивают и куда-то волокут — это воздушная тревога.

Во дворе общежития мединститута, где мы жили, уже вырыли убежища, покрытые бревнами вместо крыши. Я уже не помню, сколько раз мы туда спустились. Но точно помню, что, однажды, когда мы бежали в убежище в очередной раз и папа держал меня за руку, встречные люди ему сказали: «Смотрите, у вас ребенок без ботиночек». А потом эвакуация, уже без папы, его оставили на строительстве укрепительных сооружений за городом.

С мамой и маленьким братом (ему было два года) мы ехали в теплушке, битком набитой женщинами и детьми. Люди в вагоне сидели впритык на специально сколоченных деревянных лавках. Мама сидела с братом на руках, а я приютилась в ее ногах на полу. Ехали мы целый месяц в Тюмень, где жила двоюродная тетя моей мамы. Вагон часто отцепляли, женщины по очереди бегали на станцию, чтобы достать кипяток и что-нибудь поесть. Оставшиеся женщины следили за всей оравой детей. Чтобы вагон с детьми не потерять, женщины прибили к его крыше маленькую березку. Поэтому, куда бы вагон ни перегнали, его можно было обнаружить. А ведь сколько детей потерялись во время войны и эвакуации! На следующие сутки после нашего отъезда Курск бомбили, и вскоре он был взят немцами.

В Тюмени мама стала работать круглосуточно в госпитале, кажется, санитаркой или медсестрой, и мы с братом (мне 7 лет, а брату 2 года) были под присмотром бабушки, которая тоже работала в школе учительницей младших классов.

Тут как раз зимой у меня случилась первая травма. Дом, где мы жили, был деревянный, деревенский, с массивными входными дверями и я, захлопнув дверь,

прищемила правую руку. Когда я ее выдернула из варежки, то оказалось, что у меня оторвана фаланга указательного пальца. Боль была жуткая! Однако пришлось ждать, когда с дежурства придет мама. Потом меня лечили в ее госпитале вместе с молодыми ранеными бойцами. Мне, как и им, делали настоящие перевязки.

Раненые в госпитале были очень тяжелые, с челюстно-лицевыми ранениями. Некоторых кормили с помощью трубочки через пищевод. Тем не менее, многие из них шутили и говорили мне: «Ты теперь тоже боец».

Что-то взять чужое у людей военного поколения было просто невозможно, но я все-таки помню удивительный поступок мамы, совершенно ей несвойственный. Однажды, после очередной перевязки, мама вдруг втиснула меня в дверь одной из комнат. В комнате было темно и, мама, попадая мне в щеки и в рот ложкой, стала меня кормить чем-то необыкновенно вкусным. Как я потом (после войны) поняла, это был молочный кисель. Мать есть мать!

Мама всю войну была донором. За это она получала паек. Конечно, из полагающихся ей как донору продуктов она ничего сама не ела, отдавала все нам с братом. Так вот в первый раз в жизни я видела и ела замечательный пирог с вареньем, с переплетными из теста узорами сверху. Никогда этого не забуду!

Потом, после работ по сооружению укреплений, папу из Курска откомандировали в Омск для работы доцентом в мединституте. Мы отправились в Омск. В Омске папа работал каждый день с раннего утра и допоздна, так как там в сокращенные сроки готовили врачей на фронт. Мама стала студенткой мединститута. Мы жили в курилке студенческого общежития, очень маленькой комнатке с цементным полом. Мы с братом с утра до ночи сидели вдвоем на единственной кровати, которая занимала половину комнаты, при этом полдня в совершенных потемках. Электричества не было. И я все время очень боялась. Эта боязнь оставаться одной в комнате (а теперь в квартире, несмотря на то, что мне уже за 80) осталась у меня до сих пор.

Брата долго не брали в ясли, так как он от авитаминоза покрылся какими-то болячками. Поэтому я в первый класс практически не ходила, а сидела с ним. Читать я научилась сама. Студенты, уезжая из общежития (наверное, на фронт), оставляли свои книжки. Первая моя книжка была «Горе от ума» А.С. Грибоедова. Я ее честно прочитала от корки до корки. Папа был удивлен и спросил, что мне в этой книге понравилось. Я сказала, что понравилась Лиза, а вот Чацкий не понравился, он говорит много и непонятно. Постоянное сидение в одиночестве научило меня много читать. Со второго класса, когда брата взяли в ясли, я училась уже более или менее постоянно.

Папа приходил домой очень поздно и часто повторял: «Что делать, учить студентов не на чем, черепов не хватает». Я уже тогда проявляла «организаторские» способности. Договорилась с двумя девочками, что-

бы мне помогали. В школу мы ходили мимо старого кладбища, где некоторые могилы были разрушены, валялись человеческие кости и черепа. Мы с девочками аккуратно палочками на газетку перекатили человеческий череп, плотно завернули, я его взяла в руки и принесла домой. Поздно вечером, когда папа пришел домой, я ему спросонья говорю: «Я там для твоих студентов принесла череп». А время военное, сталинское. Мне потом папа рассказывал, как он перепугался. У нас в доме человеческий череп, причем на нем даже осталось немножечко кожи и волос. Что делать?! И он потихоньку, крадучись, ночью унес мой «подарок» обратно на кладбище.

Во дворе нашего общежития у всех были свои небольшие огороды, с которых мы кормились, и сарай для дров. Совершенно беспризорная (брата уже водили в ясли) я лазила под сараем и наступила пяткой на ржавый гвоздь. Сарай был достаточно далеко от общежития, и я с жуткой болью, как настоящий боец в разведке, ползком, по-пластунски (была зима) переползла большой двор и доползла до нашей курилки. Помню ужас вернувшихся ночью родителей, когда они увидели мою ногу.

Школа, куда я ходила во втором и третьем классе, была женская. Нас только что разделили; в первом классе, где я практически не училась, еще были мальчишки. Это было классическое четырехэтажное школьное здание, плохо отапливаемое, мы все сидели в шубах и пальтишках, из которых давно выросли. Чернила в непроливах замерзали. Окна были забиты фанерой и старыми телогрейками. Но каждый ребенок (война!) каждый день получал одну булочку. Булочка была зеленого цвета и горькая, но это все-таки была булочка. Вспоминаю ужасный случай: всю школу вывели во двор, и директор громко ругал мальчишку за то, что он съел чужую булочку. Я думаю, что после этого все, кто учился в этой школе, стали честными людьми на всю жизнь.

Вообще о голодании в детстве. Все время хотелось есть. Во время летних каникул в лагере утром давали кашу и кусочек хлеба. Кашу съедаешь, а хлеб нет. Его запрятывали в шкафчик для одежды, поглубже. Долго-долго, чем дольше, тем лучше, играешь на поляне, играешь и все терпишь. А потом бежишь и откусываешь маленький кусочек хлеба, чтобы на следующий раз осталось, и так тянешь до самого обеда. Дома ели мороженую картошку. До сих пор помню ее вкус — она была сладкая и розового цвета. Ничего себе был суп из свекольной ботвы.

Тетрадок у нас не было. Мы учились писать на старых книгах между строчками. Только однажды папа достал какую-то фиолетовую бумагу, сшил мне из нее тетрадку и разлиновал карандашом. Это была моя первая «настоящая» тетрадка в жизни. В школе у меня произошел трагический случай. Надо сказать, что, несмотря на войну, ученикам выдавали учебники, правда, не новые. Портфелей настоящих не было. Мне мама сшила зеленую сумку из старого сукна, похожую по форме на портфельчик, и пришила к ней две боль-

шие черные пуговицы от старого пальто. Я носила ее через плечо под шубкой. Однажды прихожу домой, а сумочки с выданными учебниками нет. Я где-то ее обронила. Описать постигшее меня горе невозможно словами. К счастью, я уронила свой портфельчик еще в школе на лестнице, он на следующий день нашелся.

В это время у меня появился первый в жизни «ухажер». Перед школой зимой, когда мы, девочки, должны были уходить домой, у школы собиралась толпа хулиганистых мальчишек, которые на нас нападали. Опасаясь выходить из школы, мы долго пережидали, когда они разойдутся. Однажды, когда все мальчишки уже разошлись, один из них в разлапистой шапке-ушанке, стоптанных валенках и замызганном пальтишке все никак не уходил. Что делать?! Сколько можно ждать? Я рискнула и пошла домой. Он подошел и пошел со мной рядом. Он был сильно простужен, и у него из носа время от времени выползала зеленая сопля. Я иду, а он продолжает идти со мной. Я все время опасаясь агрессии, сказать попросту, боюсь. Так мы дошли до самого студенческого общежития мединститута, где тогда жила наша семья. Это было большое многоэтажное здание, с пожарной лестницей в торце. И вдруг мой провожатый, которого я здорово боялась, говорит: «Хочешь, я для тебя на вот этой пожарной лестнице кошку повешу?» Я сказала, что не хочу, но после этого столь лестного предложения перестала его бояться.

В Омске мы прожили три года. Врачей на фронтах не хватало, и во многих городах страны стали организовывать новые медицинские институты. Наркомздрав перевел папу в город Чкалов (теперь опять Оренбург). В Оренбургском медицинском институте папа организовал кафедру нормальной анатомии человека и создал анатомический музей. Несколько лет тому назад я была в командировке в Оренбурге. Меня очень хорошо встретили сотрудники этой кафедры, и я видела папин музей.

В Оренбурге я училась с четвертого по седьмой класс до окончания войны. Победу мы встретили в Оренбурге. Помню, как все смеялись, радовались, целовались и плакали на главной улице этого города.

Послевоенные годы были нелегкие. Расскажу о странном моем впечатлении о семьях, которые нас окружали в детстве. Ни у кого из друзей не было папы, только у меня, из-за специфики и важности папиной профессии. Его не взяли на фронт, но он был награжден всеми наградами участника войны. Его вклад в подготовку военных врачей был вполне оценен. Остальные мужчины моего детства — это либо старики, либо инвалиды, либо раненые солдаты в госпитале.

Отца еще раз перевели из Оренбурга в Ижевск (Удмуртия). Здесь я закончила 10-й класс с серебряной медалью и поехала поступать в Московский университет на геологический факультет. Новое здание МГУ на Ленинских горах заканчивали строить. Я оказалась среди первых студентов этого замечательного храма науки. Более 50 лет я работала в геологической отрасли во многих регионах бывшего Советского Союза.

**Еремеева Галина
Федоровна**

НАШИ ВОЕННЫЕ ПУТИ-ДОРОГИ

Еремеева Г.Ф., заведующая отделом планирования и внедрения научных работ ВИМСа, пенсионер

В 1941 г. мне было пять лет. Наша семья в то время жила в городе Ковель, недалеко от Львова, на территории, недавно присоединенной к Советскому Союзу. В середине июня мой папа,

как многие кадровые офицеры, вместе с семьей был отправлен в отпуск. Мы уехали к бабушке на юг Украины, под Винницу. Середина лета, тепло. Ехали налегке, с одним чемоданчиком. Мама взяла мне и моей старшей сестре лишь несколько ситцевых платяев и сандалии.

В страшный день начала войны, 22 июня, папа уехал на фронт. А нам возвращаться было некуда. Немцы захватили Ковель на второй день. Мы остались у бабушки. Осенью 1941 г. фашисты подошли к городу. Мы спешно эвакуировались на Дон, где поселились в глинобитном домишке на берегу одного из его притоков. Больше всего нас радовала пасека, находившаяся в небольшой роще. Пасечник дядя Коля угощал нас чудесным душистым медом и даже давал с собой кусочки сот для взрослых.

Потом наступила суровая и снежная зима 1941–1942 гг. За ней пришла весна. Снег начал дружно таять, и Дон превратился в мочую и бурную реку. Разлилась и наша речушка. Она затопила и развалила домик, в котором мы жили, и унесла почти все наше имущество.

Летом 1942 г. немецкие войска подошли к Дону и нам опять пришлось уезжать. Поехали в Ульяновск. Никогда не забуду эту страшную дорогу. Ехали где поездом, где на попутных машинах. Поезда бомбили, нас высаживали из вагонов и мы прятались в лесу или на поле. Самым ужасным были пожары. Горели разбомбленные вагоны, созревшая на полях пшеница. Пылал Сталинград. Но нам удалось по Волге на барже доплыть от Сталинграда до Ульяновска.

Там жила семья маминой сестры, эвакуировавшаяся из Москвы с заводом ЗИС. Завод уже начал выпускать танки. Семье тети из трех человек выгородили часть коридора черного хода в доме дореволюционной постройки. Там же поселились и мы — мама, бабушка, сестра и я. Взрослые работали на заводе. Бабушка в 5 часов утра уходила занимать очередь за хлебом, который получала по карточкам на всю семью.

Все дети ходили полуголодными и постоянно хотели есть. Взрослые голодали еще больше, отдавая нам свою долю. Уже после войны мама рассказывала, что брала с собой на рабочую смену (а это 12 часов) две картофелины и часто приносила одну из них обратно домой, чтобы дать по половинке мне и сестре. Любимая игра детей нашего двора — «магазин»: мы «пекли» из глины булочки, пирожки, украшали их тертым кир-

пичом, мелом, мелкими камешками, а затем «продавали» друг другу.

В 1943 г. я пошла в школу. В нашем классе училось много ребят из Москвы и Ленинграда. Мы все были худенькими и бледными, но ленинградские дети просто просвечивались — настолько они были изможденные. У моей подруги Люси Корсунской (до сих пор помню ее фамилию) умерла от дистрофии старшая сестра.

В Ульяновске было много госпиталей, и школьников часто водили туда выступать перед ранеными. Большие палаты, бесконечные ряды коек и люди в белом — белые бинты, белые рубашки и белые халаты медсестер. Нас, малышей, ставили на табуретку, и мы пели песни и рассказывали стихи. Трудно поверить, но я до сих пор помню стихотворение, которое читала 64 года назад:

*Я вошел к ним в избу,
Холодно и пусто.
Только ветер воет
В дымовой трубе.
Ни краюшки хлеба,
Ни листка капусты
Не оставил немец
В маленькой избе...*

Раненые дружно аплодировали и улыбались, глядя на нас. А мы тогда не понимали, что солдаты в эти минуты думали о своих детях, младших сестренках и братишках.

Сейчас, когда я смотрю старые кинофильмы о войне — «Парень из нашего города», «Актриса», «Летят журавли», где показывают военные госпитали, не могу сдержать слез. Да, это именно так и было в моем детстве...

Когда закончилась война, папа вернулся с фронта, но на полях сражений навсегда остались два моих дяди — они погибли в Белоруссии.

В 1990 г. мы с мужем совершили круиз по Волге. И в Ульяновске я нашла дом моего военного детства. Он оказался гораздо меньше, чем запомнился, а дворы и вовсе показались крохотными. И лишь несколько старушек вспомнили, что в годы войны здесь жили эвакуированные из Москвы и Ленинграда.

ВОЙНА С РАННЕГО ДЕТСТВА

Сапожникова Л.Н., старший научный сотрудник ВИМСа, кандидат геолого-минералогических наук

К началу войны мне было 2 года 7 месяцев, поэтому мои воспоминания отрывочные, но яркие. У меня была семимесячная сестра. Жили мы в Москве, в Таганском районе, на тихой зеленой Иерусалимской улице. Когда начались бомбежки, отец организовал нашу эвакуацию в Курскую область, в пос. Поньеры, где жила младшая мамина сестра с семьей. Но немцы уже продвигались к этой территории. Мы едва успели спастись, вернувшись в Москву на открытой платформе поезда. С нами уехала наша двоюродная

**Сапожникова Лариса
Николаевна**

шестилетняя сестра — дочь старшей маминой сестры. У нее был еще сын, который после 10-го класса ушел на фронт и погиб. Обе мамы сестры остались в Понырях, обеих расстреляли гестаповцы за помощь партизанам.

Всю войну мы прожили в Москве. Отец ушел на фронт. Вначале мы очень бедствовали. Мама ездила по деревням, обменивала вещи на еду.

Для укрытия от бомбежек во дворе нашего двухэтажного дома была вырыта щель. Однажды в соседнем Ведерниковом переулке разорвалась бомба. Была убита женщина с ребенком, которого она уносила в укрытие, а второй ее младенец остался в разрушенном доме. Испугавшись, что нас может постигнуть такая же участь, мама решила не бегать в укрытие: погибать — так всем вместе. Воспоминание о том, как я лежу в пальто в детской кровати под черным рупором, издающим пронзительный сигнал воздушной тревоги, и пытаюсь обратить на это внимание мамы, а она вместо того, чтобы бежать, успокаивает меня, запечатлелось на всю жизнь. Еще постоянно мучило чувство голода.

Похоронка на отца (в самом начале наступления под Сталинградом) пришла, когда мама в очередной раз поехала с обменом в деревню. Извещение было вручено соседям. Они и передали его, как только мама вернулась и вошла в общую кухню с «обменным» чемоданом. Мама рухнула на этот чемодан, а мы с сестрой заголосили, хотя и не поняли, в чем дело.

Наша исхудавшая, тонкая как былиночка мама начала работать уборщицей в яслях, которые принадлежали мясокомбинату им. Микояна.

В школу № 472 у Абельмановской заставы я пошла в 1946 г. Первых классов было пять и в каждом около сорока учеников. Мою первую учительницу звали Александра Ивановна. Она была опытной, справедливой, беззаветно любила детей. В первых классах на обед нам выдавали вкуснейшие теплые бублики. А в это же время люди на улице делились кусками хлеба с пленными немцами, которые, как серая масса, безмолвно рыли траншею вдоль всей Таганской улицы. Было так жалко их!

Школьные годы протекали интересно и насыщенно. Запомнилась строгая директриса, которая каждое утро у входа лично встречала учеников, критически оценивая внешний вид: чулки только простые, форма выглажена и т.д. А ученицы, проходя, должны были приседать как бы в реверансе. В послевоенное время к детям было особое отношение. В Доме пионеров можно было выбрать любой кружок или несколько кружков, причем совершенно самостоятельно, не говоря о том, что бесплатно.

Уже в 9–10 классах я посещала геологический кружок в МГУ. Походы, новые знакомства с «единомыш-

ленниками» — все это определило мою дальнейшую судьбу. В 1956 г. я поступила во МГРИ на геологоразведочный факультет.

После семи лет работы в производственных организациях я была принята в группу слюды ВИМСа, где и работаю по сей день. Мне очень повезло с наставниками. Г.Г. Родионов — крупный специалист по мусковитам, пегматитам внес неоценимый вклад в фундаментальные исследования. Работая в производственных организациях (он был главным геологом Главслюды), он знал потребности разведки и эксплуатации слюдяных месторождений, поэтому стал крупнейшим специалистом по решению научно-прикладных задач — разработке методики прогнозирования, оценки, разведки и подсчета запасов листового мусковита. Такой подход он передал и своим ученикам. В настоящее время это очень востребованное направление. Под его руководством я защитила кандидатскую диссертацию. Сознание того, что работаешь в меру возможностей на благо Родины, дает моральное удовлетворение. И личная жизнь (муж, два сына, трое внуков) и профессиональная прожиты не зря.

С ТРЕХ ЛЕТ В ВИМСе

Сирина Т.Н., кандидат геолого-минералогических наук, пенсионер ВИМСа

Впервые порог ВИМСа я переступила в 1940 г. в трехлетнем возрасте, когда родители привели меня в детский сад института, который, как и в послевоенные годы, располагался во дворе ВИМСа в домике Аршинова. Когда началась война, я и мой средний брат находились с детским садом на даче под Москвой. От мамы мы получили небольшое письмецо. В нем она писала, что началась война, и детский сад могут эвакуировать, не завозя детей в Москву. Волноваться не надо: мама и папа всегда будут знать, где мы находимся, а пока идет война, все взрослые должны очень много работать. Конечно, мы тогда не могли предполагать, сколько детей и родителей многие годы после войны будут разыскивать друг друга и сколько потеряют друг друга навсегда! К нашему счастью, мы успели вернуться в Москву.

Перед войной мы жили в общежитии докторантов Академии наук на Малой Бронной. Начались бомбежки Москвы. Помню площадь Никитских ворот, асфальт, который был раскрашен под цвет крыш окружающих домов. Смутно вспоминаю переходы по каким-то лестницам и бесконечным коридорам в бомбоубежище, а в это время бабушка с моей двоюродной сестрой поднимались на крышу дома дежурить, чтобы гасить зажигалки.

**Сирина Татьяна
Николаевна**

А потом были теплушки. Мы ехали в эвакуацию. Большой вагон, где справа и слева от дверей внизу и вторым ярусом, как большие нары, были полки, и мы, ребята, забирались наверх и смотрели оттуда на незнакомые поселки и деревни, а иногда — на открытое поле, когда поезд там останавливался. Мы ехали на Урал, вся наша семья — моя мама, бабушка два брата и я, и еще семья маминой сестры тоже с тремя детьми.

Отец оставался в Москве. Он был директором ВИМСа (1940—1943) и ему нужно было организовать эвакуацию института. В оставшейся в Москве части ВИМСа тоже продолжались работы.

В военные годы Полярно-Уральская экспедиция, руководимая отцом с 1943 г., проводила широкие работы по поискам и разведке месторождений горного хрусталя, в результате чего Саранпауль стал, после временной утраты Волинского месторождения на Украине, важным поставщиком этого сырья.

Мой дядя, муж маминой сестры Волосюк Георгий Корнеевич, перед войной работал начальником Алмазного бюро в Москве и был одним из организаторов алмазной промышленности в СССР. Видимо поэтому первую военную зиму 1941—1942 гг. обе наши семьи жили в поселке Кусье-Александровском, где в то время находилась Уральская Алмазная экспедиция, а в ней работали моя мама и ее двоюродная сестра. Меня и моего брата приняли в детский сад. Место было одно, и мы ходили по очереди, через день, а когда оба заболели, мама принесла нашу дневную порцию домой и разделила ее на четверых — мне со средним братом и двум двоюродным братьям. Старшему брату, школьнику, уже ничего не досталось.

Конечно, было нелегко. Рабочая карточка была только у мамы, а нас было трое детей и бабушка. Мы приехали в Кусью в начале зимы. У местных жителей были свои огороды и, соответственно, какие-то запасы на зиму. Что-то удавалось выменять на привезенные вещи, но что и сколько можно было привезти с собой в эвакуацию?

Однажды старший брат Артур пришел из школы очень радостный. Он принес целое ведро картошки и в качестве добавки немного моркови и свеклы. Дело в том, что в то время школьных тетрадей не было. Писали, кто на чем мог, а мама дала моему брату вместо тетради книжечку полевого дневника. Одному из местных ребят этот дневник очень понравился, и он уговорил брата обменять его на ведро картошки. Радости нашей не было предела.

Братья любили надо мной подшучивать. Однажды они примчались из школы с громким криком: «Таня, собирайся скорее, за нашей школой немцы стреляют». Не только я, но и они сами не осознавали в полной мере, что это означает. Когда они прибежали, я сидела на полу и спокойно играла в напиленные из деревянного бруска кубики. На их крик я, продолжая играть, спросила: «А кубики брать?» В ответ они растеряно ответили: «Как хочешь». И я не спеша стала аккуратно складывать кубики. А так называемые «немцы» так и не добрались до нас.

Мы ходили в лес, собирали грибы, ягоды. Здесь, в Кусье, я полюбила и сохранила на всю жизнь ни с чем не сравнимый аромат самой душистой в мире ягоды княженики и необыкновенный запах пихты, по которому в таежных зарослях можно отыскать даже маленький, только появившийся на свет ее росточек. Именно огромную красавицу пихту принесли из леса на Новый год бабушка со старшим братом, и мы ее украшали гирляндами, склеенными из раскрашенных красками газетных полосок.

В Кусье произошло мое первое знакомство с минералогией. Мама показала нам алмаз. Она держала его на большой черной тряпке и предупредила: «Будьте осторожны, а то он прыгает». Долгие годы я не сомневалась, что алмазы обладают чудесным свойством прыгать. Только, будучи студенткой МГРИ, на занятиях по минералогии я поняла, что имела мама в виду, говоря эти слова.

К лету 1942 г. мы переехали в Катайск. В то время это был небольшой поселок, куда и был эвакуирован ВИМС. Мы жили на втором этаже деревянного дома в двух небольших комнатках. За стенкой жила семья И.В. Шманенкова, который был в это время был заместителем директора ВИМСа и руководил работами института в эвакуации. Жили мы дружно. Уже после эвакуации в Москве моя бабушка, необыкновенная мастерица по выпечке пирогов, посылала меня к Шманенковым на Гоголевский бульвар, чтобы угостить их своими пирожками. И я бежала от Патриарших прудов, с некоторым опасением поднималась по затемненной лестнице, которая освещалась для маскировки лишь тусклыми синими лампочками, стараясь выполнить бабушкино задание. Когда я пришла работать в ВИМС, некоторые наши сотрудники, узнав мою фамилию, говорили мне: «Так ведь я помню тебя еще маленькую в Катайске». Правда, во время войны мало кто из детей считал себя маленьким: мы все уже были взрослыми!

Жизнь в Катайске стала немного легче. У нас был огород. Приехавший в короткую командировку отец купил где-то в деревне цыплят, которые доставляли нам, детям, радость, а взрослым хлопоты. Здесь в Катайске средний брат тоже пошел в школу, и пока мама занималась с братом, я, сидя под столом и время от времени донимая маму вопросами, тоже осваивала грамоту.

Но вот прошел Новый год. У всех нарастает тоска по Москве. Все с нетерпением ждут возвращения. Пришел вызов моей маме и старшему брату. Все настораживаются: если вызвали жену директора, значит, скоро в Москву вернется весь институт. А пока вызова нет, приходится ездить по все более далеким деревням и с каждым разом с большими трудностями выменивать продукты. Но в Москве тоже было трудно.

Приходит весна 1943 г., и теперь уже весь ВИМС возвращается в Москву. Едем уже не в теплушках, а в общем вагоне. Стоянки, как и раньше, на неопределенное время. Бабушка, пользуясь случаем, спешит хоть как-то умыться нас с братом. Я уже сижу у окна

в вагоне, поезд медленно трогается, и я со страхом смотрю, как бабушка с братом на одной руке и тазиком в другой бежит к начинающему двигаться вагону. Кто-то из мужчин подхватывает их и затаскивает в вагон. Но это уже возвращение домой.

Уже в Москве помню, как нас с братом возили в военный госпиталь, и мы читали стихи, вернее, читала я: «Однажды в студеную зимнюю пору...», а брат, стоя за моей спиной, старательно жестикулировал руками, изображая происходившие в стихах события.

После возвращения ВИМСа в Москву отец перешел в ИГЕМ АН СССР, где продолжал работы по Полярному Уралу. В работах Полярно-Уральской экспедиции под руководством отца принимают участие не только сотрудники ГИНа, но и ВСЕГЕИ — Ю.Е. Молдованцев, С.Н. Волков и др. Приезжая в Москву, многие из них останавливались у нас, и в доме царили геология и музыка. Ю.Е. Молдованцев, получивший наряду с геологическим, еще и образование в ленинградской консерватории, едва переступив порог дома, сел за пианино и великолепно пел арии из опер. Мы, дети, жили вместе со своими родителями этой жизнью.

Наконец, в 1947 г. я уговорила маму взять меня в экспедицию. Мы долго добирались до Саранпауля, сначала на поезде, затем на гидросамолете, далее по Оби и Северной Сосье на пароходе. А дальше с маминым отрядом — по тайге. Мы поднимались вверх по течению на лодке на шестах, шли с караваном вьючных лошадей по тайге, вернее все шли, а я ехала верхом. Дождя не было, и в дороге палатки не ставили. Мама раскладывала мне пуховый спальный мешок под огромным кедром, а их там было немало, и счастьем моему не было предела!

Я окончила музыкальную школу, но поступать в училище не стала: геология, к огорчению моей бабушки, победила. Я стала третьим ребенком в нашей семье, который пошел по стопам родителей. В 1959 г. после окончания геологоразведочного факультета МГРИ я пять лет проработала в Ленской экспедиции ЦНИГРИ. Мне очень повезло — моим первым учителем по практической геологии стала Юлия Петровна Казакевич, крупный специалист по золотоносным россыпям и очень доброжелательный человек. В экспедиции работал в то время и Сергей Дмитриевич Шер, занимавшийся россыпным и рудным золотом. Знания, полученные при геологической съемке, очень помогли мне в дальнейшей работе, когда я стала заниматься рудной геологией.

В 1964 г. я поступила в аспирантуру в ВИМС. Три года занималась детальным изучением оловорудного месторождения Учкошкон в Киргизии. После окончания аспирантуры мне посчастливилось 20 лет работать с замечательным человеком, крупным специалистом и куратором по олову Михаилом Прокопьевичем Материковым. В первые годы работы с ним проводилась оценка перспектив новых оловоносных районов. В результате этих работ была обоснована возможность открытия в СССР новых месторождений олова за пределами уже известных областей промышленной оловоносности. Полученные результаты легли в основу моей диссертационной работы, защита которой состоялась в 1973 г.

Сейчас я на пенсии, но полностью расстаться с геологией не дает накопленный за многие годы работы огромный материал, и я пытаюсь хоть какую-то его часть более полно систематизировать.

Составитель Л.А. Антоненко

ГЕОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ПОИСКОВ И РАЗВЕДКИ МЕСТОРОЖДЕНИЙ

УДК 553.493.6:549.752.143:550.4

Рихванов Л.П., Перегудина Е.В. (Национальный исследовательский Томский политехнический университет)

МОНАЦИТ — КАК ИСТОЧНИК МЕТАЛЛОВ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Статья посвящена изучению фосфата церия известного как монацит, в котором в промышленно значимых концентрациях содержатся другие редкие земли, торий и уран. В статье приводятся геохимические данные, полученные авторами при изучении монацитов из складских стратегических запасов и монацитов из различного типа россыпей как аллювиальных (Таракская россыпь), так и погребенных прибрежно-морских (Туганское, Обуховское

*и других месторождений Западной Сибири) россыпей и современных пляжных песков Индии и Азовского моря. Детально рассматривается весьма интересный тип оводного монацита — куларита с золоторудных россыпей Якутии, как возможный источник металлов высоких технологий. **Ключевые слова:** монацит, куларит, геохимия, редкие земли, уран, торий, экономическая значимость.*

Rikhvanov L.P., Peregudina E.V. (National Research Tomsk Polytechnic University)

MONACYT — AS A SOURCE OF HIGH TECHNOLOGY METALS

The article is devoted to the study of monazite, cerium phosphate, which contains other rare — earth elements, thorium and uranium at mineable concentrations. The article presents